

Глава 34

Полость раковины была пуста, и Лин Му не пришлось возиться, вычищая остатки моллюска. Оставалось лишь аккуратно проделать отверстие сверху, и простой морской рожок был готов.

Внезапно какая-то мысль заставила его замереть. Юноша задумчиво прищурился и негромко спросил:

— Старейшина, если ваше духовное знание способно проникать в меч, может ли оно занять место и в этой раковине?

У Гу Суйчжи едва заметно дернулась бровь.

— И не надейся, — отрезал он без тени сомнения.

Лин Му лишь небрежно сжал раковину в ладони и погрузил свое сознание в чертоги разума. Голос его зазвучал вкрадчиво и мягко:

— Расслабьтесь, не стоит так сжиматься. Пока вы натянуты, словно струна, я не могу коснуться вас.

Гу Суйчжи был неизмеримо сильнее. Стоило тому выказать хоть малейшее сопротивление, и Лин Му потерял бы над ним всякий контроль.

— И всё-таки ты смеешься!

Ледяная капля талого снега обожгла кожу, точно капля кипящего масла. Гу Суйчжи замер, не зная, отстраниться ему или остаться на месте, и наконец неловко потер кончики пальцев. Он отвел взгляд, чувствуя, как перехватывает горло.

— Идем, — глухо бросил он. — Нас ждут на поэтическом собрании.

Мо Сюнь подошел ближе, и в уголках его губ заиграла лукавая усмешка.

— Надо же, — пропел он, — а я и не знал, что наш юный полководец питает страсть к подобным изыскам.

— Я здесь лишь для счета, — буркнул Гу Суйчжи.

На глазах у всех он не решался оттолкнуть юношу, лишь тихо добавил:

— Ты ведь и сам здесь не по своей воле.

— Ох, не люблю я такие речи. — Мо Сюнь на мгновение замолк, а затем в его голосе зазвучала откровенная насмешка: — Вижу, ты тоже мастер играть роли. И ведь что забавно: ты так презираешь места, где я бываю, но мы то и дело сталкиваемся нос к носу.

Собеседник осекся, не найдя что ответить. Мо Сюнь, напротив, пребывал в прекрасном расположении духа. Крохотная родинка под его глазом притягивала взгляд, но Гу Суйчжи она казалась призрачным отражением луны в воде — манящим, но недостижимым. Где здесь правда, а где ложь — он уже не понимал.

К счастью, юноша не стал и дальше изводить его. Он мгновенно спрятал игривый тон и обернулся к гостям. Заметив неловкую паузу, Се Юнь поспешил разрядить обстановку, представляя собравшимся нового гостя.

Из всей компании Мо Сюнь знал лишь Се Юня да Сюй Ичжи. Остальные были ему неведомы — обычные столичные щеголи, прожигатели жизни. Впрочем, рядом с Се Юнем сидела молодая особа, чья внешность казалась весьма благообразной, но в глазах то и дело вспыхивали искорки недюжинной хитрости. Это была Мэй Чжихань, единственная дочь министра доходов, та самая, о ком Се Юнь грезил и днем и ночью. Напротив нее расположился её старший брат, Мэй Юаньцзюй, недавний выпускник академии, ныне служивший в Ханьлине.

Почти все собравшиеся были старыми знакомыми, и после нескольких формальных приветствий беседа потекла сама собой. Вино лилось рекой, и вскоре все окончательно расслабилось. Молодые люди то и дело поднимались с мест, провозглашая тосты; правда, большинство из них адресовалось Гу Суйчжи.

Его фигура была лакомым куском для каждого. Молодой генерал понимал, что эти подношения не лишены корысти. Он не отличался большой стойкостью к хмельному и обычно пил редко, но сейчас, раздираемый беспокойными мыслями о Мо Сюне, отчаянно нуждался в чем-то, что заглушило бы смятение. Он принимал каждую чашу, одну за другой осушая их до дна.

Мо Сюнь не пытался его остановить. Он лишь с интересом наблюдал за ним, вспоминая ту брачную ночь, когда юный генерал, одурманенный лунным светом и собственной тоской, принял его за другого.

— Генерал Гу, — пролепетал один из гостей, уже изрядно захмелевший, — вы — истинный герой нашей империи, надежная опора престола! Вот только... только сдается мне, в вашем доме не всё ладно. Между вами и вашим мужем... как бы это сказать... не чувствуется лада... Впрочем, оно и понятно, когда пути столь разные...

Договорить ему не дали — сосед вовремя зажал ему рот и оттащил в сторону, виновато улыбаясь Мо Сюню:

— Простите Хэ Эра, Ваше Высочество, он как выпьет — несет невесть что. Не принимайте близко к сердцу.

— Отнюдь, — Мо Сюнь усмехнулся, но взгляд его оставался холодным. — Напротив, это я недостоин столь высокой чести.

Гу Суйчжи вздрогнул и наконец опустил чашу.

За окном снег внезапно утих. Сквозь тучи пробились первые багряные лучи заходящего солнца — светило уже клонилось к западным вершинам. Второй принц, Чжао Сюци, забирая младшего брата, Пятого принца Чжао Хуэйина, покинул собрание незаметно; он всегда сторонился шума и опасался за здоровье ребенка. Се Юнь еще полчаса назад отправился провожать Мэй Чжихань и её брата, а Ци Хун вызвался их охранять.

Гости были вполне довольны праздником и к вечеру начали неохотно прощаться. Но стоило одному из них подойти к паланкину, как на горной тропе показались две стремительно приближающиеся точки. Это были Ци Хун и Се Юнь, оба — бледные и запыхавшиеся.

— Пути назад нет! — выдохнул Ци Хун, спрыгивая с коня. — Старые сосны у Северного павильона не выдержали тяжести снега и рухнули, перегородив дорогу. Теперь там и муравью не проскочить.

Кроме этой дороги, вернуться в Сюаньду можно было лишь в обход горы Юньсун, а это добрых два дня пути.

Се Юнь обиженно пробормотал:

— Я едва успел проводить Чжихань, как за спиной раздался страшный грохот... Знал бы — подождет бы еще немного.

Гу Суйчжи окинул его тяжелым взглядом, и Се Юнь предпочёл замолчать.

Порыв холодного ветра заставил Мо Сюня поежиться, кончик его носа покраснел. Он плотнее запахнул плащ и с ироничной усмешкой посмотрел на мужа:

— Слышал? Мы здесь заперты.

Генерал лишь нахмурился.

— Неужели я тебе настолько противен? — Мо Сюнь подошел вплотную и тихо добавил: — Ох, Юнье, ты разбиваешь мне сердце.

Гу Суйчжи выпил лишнего, и прохладный ветер лишь сильнее разжег хмель в его крови. Но, помня о присутствии посторонних, он лишь процедил сквозь зубы:

— Следи за своими словами.

— И как же мне следить? — Мо Сюнь опустил глаза. В свете заката его длинные ресницы казались золотыми нитями. — Если ты будешь и дальше молчать, мне придется самому взять всё в свои руки. Ну что ж, так и сделаем.

Сердце мужа пропустило удар, а Мо Сюнь уже всю распоряжался, обращаясь к гостям:

— Друзья мои! Вышло досадное недоразумение — дорогу завалило. Придется нам заночевать здесь. Поместье не слишком велико, так что прошу прощения, если придется немного потесниться.

Захмелевшие гости, разомлев от тепла и вина, лишь согласно закивали. Вскоре все разошлись: кто — бродить по склонам, кто — греться в горячих источниках.

В поместье было всего пять роскошных покоев, к каждому из которых примыкал бассейн с целебной водой. Семь знатных господ заняли три комнаты, и в остатке оказались лишь Се Юнь, Сюй Ичжи, Мо Сюнь и Гу Суйчжи.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь свистом ветра. Сюй Ичжи, сообразив что-то, подбежал к Се Юню:

— Брат Се! Мы так давно не ночевали вместе. Помнишь те хитрости с птицами, о которых ты рассказывал? Я уже всю ими пользуюсь! Давай сегодня расскажешь что-нибудь еще.

— Идет! — Се Юнь хлопнул парня по плечу и, бросив мимолетный взгляд на Гу Суйчжи, поспешно увел своего спутника.

Вскоре двор опустел. Тени двоих оставшихся вытянулись, исчезая в сугробах у самых стен. Тишина стала почти осязаемой, и Мо Сюнь, почувствовав неловкость, небрежно спросил:

— Отчего Сюй Шэньчжи не приехал?

— Он не жалуется подобные сборища, — отозвался Гу Суйчжи, носком сапога разминая снег. — А Ичжи еще совсем ребенок, ему бы только повеселиться, вот я и взял его с собой.

— Он и есть ребенок, — задумчиво протянул Мо Сюнь. — Что плохого в веселье? Я в его годы тоже любил пошуметь, за что мне частенько влетало от отца и брата.

Он посмотрел вдаль, на гору Юньсун. Багряное солнце окончательно тонуло в свинцовых тучах, поглощая сухие ветви старых сосен.

— Год подходит к концу.

Гу Суйчжи невольно посмотрел туда же.

— Да, — тихо произнес он. — Скоро Новый год.

За Новым годом придет праздник фонарей, а там и весна не за горами. В южных краях она наступает рано: в феврале уже поют птицы, и хотя воздух еще хранит зимнюю прохладу, солнце ласково заливает дворы резиденции Фунань.

Тогда Мо Сюнь было всего двенадцать. Портной с северной окраины прислал в подарок лучшую ткань, и старшему брату, Юй Хуну, сшили новый наряд. Тому было семнадцать, он рос не по дням, а по часам, и одежда быстро становилась мала. Статный, полный жизни юноша вышел во двор и подошел к брату. Мо Сюнь сидел у колонны, лениво пожевывая травинку и щурясь на солнце, точь-в-точь как старый кот, дремавший рядом.

Юй Хун с улыбкой щелкнул его по лбу:

— Ну как тебе, малец?

Мо Сюнь выплюнул травинку и небрежно бросил:

— Наряд хороший. А вот на тебе — не очень.

Юй Хун в шутку замахнулся рукавом:

— Опять напрашиваешься?

— Солидности тебе не хватает, — Мо Сюнь ловко спрятался за колонну. — Пора бы уже вырасти, а ты всё кулаками машешь. Несolidно!

— А я со всеми по-разному, — Юй Хун поймал его за ворот и принялся щекотать. — С тобой, А-Сюнь, только так и надо!

— Войны утихли, старый год уходит, — Мо Сюнь отвел взгляд, пряча за маской безразличия вспыхнувшую в душе нежность. — Какие планы на весну?

— Куда мне идти? — Гу Суйчжи обернулся к нему. — Здесь я лишний, а в Цинчжоу пути заказаны.

Он был подобен одинокому волку, изгнанному из родной стаи. Степные ветры не долетают до столичных стен, и он томится здесь, в холодной клетке, чувствуя себя менее свободным, чем его конь.

— Юнье, — внезапно позвал Мо Сюнь вкрадчивым шепотом, — нам еще долго быть вместе. Придется научиться ладить.

Его голос, мягкий и тягучий, словно расплавленное золото заката, коснулся слуха собеседника. Генерал посмотрел на него и заметил, как лучи солнца золотят тонкую шею юноши. В памяти всплыл образ богини Милосердия в храме на горе Байдин, куда отец водил его в детстве. Та статуя тоже была покрыта позолотой и вечно смотрела на мир с кротким спокойствием.

Увы, перед ним был не божественный лик, а человек, чья красота служила лишь прикрытием для порочной души. Гу Суйчжи не раз убеждался в этом, но сейчас его сердце снова предательски дрогнуло. Он лишь коротко кивнул.

— Вижу, ты совсем не в духе, — Мо Сюнь сегодня был удивительно терпелив. — Что ж, на улице мороз, а дорога была долгой. Я пойду в свои покои.

С этими словами он оставил мужа и вошел в дом.

В комнате весело потрескивали жаровни, а за ширмой уже парил небольшой бассейн с горячей водой. Мо Сюнь медленно снял одежды, одну за другой вешая их на стойку. Он не хотел ворошить прошлое, но закат над горой Юньсун всколыхнул в нем старые раны.

Вода была обжигающе горячей, и Мо Сюнь невольно вздрогнул. Тепло прогнало холод, и его кожа быстро порозовела. Здесь было совсем не так, как в холодной столице.

Юноша склонился над краем бассейна, прикрыв глаза. По его лбу катился пот, а пальцы лениво перебирали гладкие камни на дне. Это тепло напомнило ему о том свете, что тринадцать лет назад пробивался сквозь тьму того страшного рассвета.

Тот день начался во мраке. Узкая полоска света едва коснулась горизонта, когда на горной тропе у Линчэна Юй Хун со всей силы хлестнул коня. Зверь в безумии рванулся вперед, отрываясь от погони. Брат крепко прижимал А-Чжо к себе, и тот чувствовал, как бешено колотится его сердце. Ветер, острый, как нож, сек лицо.

— Брат... куда мы? — пролепетал мальчик, едва сдерживая слезы.

Этой ночью он проснулся от криков. Тишина их дома сменилась звоном стали и плачем. Крови становилось всё больше, а живых — всё меньше. Лето в тех краях внезапно обернулось лютой зимой. Мо Сюнь дрожал всем телом, тщетно пытаясь найти среди мертвых лиц отца и младшего брата. Тела громоздились одно на другое...

Он не нашел их, его просто подхватили и забросили в седло. Это был Юй Хун. Он вез его прочь, а следом уже неслись всадники, точно тени из преисподней.

Мо Сюнь спрашивал об отце, об А-Ляне — брат молчал. И сейчас, не дождавшись ответа, мальчик поднял голову. Он увидел лишь полные слез глаза брата. Юй Хун безмолвно плакал, и слезы тут же высыхали на ледяном ветру, оставляя горькие следы.

— Брат, не плачь! — в ужасе закричал Мо Сюнь. — Мы им отомстим!

— А-Чжо, тебе уже двенадцать, — Юй Хун выдавил из себя подобие улыбки. — Ты уже взрослый. Ты ведь справишься сам?

— Справлюсь! Обязательно справлюсь! — поспешно ответил мальчик, хотя сердце его сжалось от дурного предчувствия.

— Вот и славно, — Юй Хун тяжело дышал, холодный воздух раздирал ему грудь. — Возьми поводья. Мне нужно передохнуть.

— Брат! — Мо Сюнь вцепился в поводья, не понимая, что происходит. — Что с тобой? Тебе плохо?

Конь замедлил бег. Погоня была уже совсем близко. В этот миг юноша понял: зверь не выдержит двоих. Он был на пределе сил.

— А-Чжо, живи долго, — Юй Хун принялся обматывать поводья вокруг запястий брата. — И помни: лучше пасть в бою, чем стать рабом врага. Если попадешь в плен — не смей склонять головы. Ты — из рода Юй.

— Нет! Брат, что ты делаешь?! — Мо Сюнь забился в его руках, пытаясь высвободиться. — Отпусти меня! Пусть лучше заберут меня, я ведь только обуза! Это я должен умереть!

Он впервые назвал его братом.

— Наш А-Сюнь научился звать брата. — Юй Хун прошептал, погладив его по голове: — Поднимется осенний ветер, поспеет вяленое мясо... А-Чжо, брат проголодался.

— Мы всё попробуем! Я куплю тебе что хочешь! Скоро осень... — Мо Сюнь захлебывался

слезами, его голос тонул в вое ветра. — Брось меня... Брат, уходи сам!

Юй Хун не ответил. Он лишь в последний раз посмотрел на него, а затем резким движением прижал Мо Сюня к седлу, хлестнул коня и прыгнул в бездну. Там, за краем тропы, был обрыв.

Всплеск воды вырвал его из забытья. Мо Сюнь не заметил, как соскользнул в воду. Комната была полна пара, он тяжело дышал, едва не захлебнувшись. Отряхнув голову, он почувствовал, как всё тело горит от горячей воды.

Он еще долго сидел неподвижно, глядя в пустоту. «Это место мне не нравится», — подумал он. Тепло тела воскрешало горькие тени прошлого.

За окном царила непроглядная тьма. «Гу Суйчжи, должно быть, уже протрезвел, — подумал юноша. — Отчего же он не идет?»

Скрип двери заставил его вздрогнуть. Холодный взгляд мгновенно сменился кротким выражением. Он слишком привык к этой игре.

Гу Суйчжи, помедлив, распахнул дверь и замер. Он явно пришел не вовремя. Мо Сюнь как раз выходил из бассейна; его кожа казалась нежным лепестком. Он не стал прикрываться, лишь небрежно набросил халат, оставив грудь полуоткрытой. В свете свечей юноша казался призрачным видением, исполненным невыразимого изящества.

Мо Сюнь лениво улыбнулся, и в его глазах заплясали лукавые искорки.

— А я и не знал, что наш генерал столь добродетелен.

Слово «добродетель» прозвучало из его уст как издевка, но Гу Суйчжи всё равно почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Как вы и изволили заметить, — процедил он, — всё это лишь игра на публику.

— Неужели? — Мо Сюнь иронично вскинул бровь. — А я и не подозревал, что вы столь послушны моим прихотям. Что же вы в брачную ночь не были так покорны? Могли бы просто представить на моем месте...

Гу Суйчжи вскинул голову. Глаза его потемнели от гнева.

— Мо Сюнь, не испытывай мое терпение!

— Неужели я испытываю? — Юноша смело встретил его взгляд. — Я лишь хочу знать: когда это вы успели так прикипеть к моему брату?

— Тебя это не касается! — Гу Суйчжи попытался обойти его, чтобы лечь, но Мо Сюнь крепко перехватил его за запястье.

Южанин Мо Сюнь всегда зяб в столице, и собеседник об этом знал. Но сейчас пальцы юноши, согретые водой, обжигали холодом нефрита. Генералу на миг показалось, что он коснулся живого тепла.

За окном тоскливо крикнула птица. В тишине снежной ночи каждый звук казался оглушительным.

— Сегодня я делю с вами ложе, — прошептал Мо Сюнь, смакуя каждое слово. — Неужели вы не уделите мне и минуты для беседы? Юнье, у вас каменное сердце.

Мокрые пряди его волос рассыпались по плечам. Одной рукой он удерживал мужа, а другой потянулся за полотенцем, но Гу Суйчжи сам перехватил его руку. Взгляд генерала был тяжелым.

— Вы сами сказали: мы лишь две бродячие псы, запертые в одной клетке.

— О, так вы всё еще сердитесь на те слова? — Мо Сюнь подался вперед, и облако пара окутало их обоих. Гу Суйчжи невольно отступил. — Ночь долгая, Юнье. Не стоит тратить её на обиды.

Мо Сюнь ловко подхватил полотенце и вкрадчиво добавил:

— Давайте так: спрашивайте что угодно, и я отвечу вам чистую правду.

Гу Суйчжи не верил ни единому его слову. Он слишком хорошо знал, как легко этот юноша лжет. Наверняка тот снова затеял какую-то игру, чтобы посмеяться над ним. Общаться с ним было невыносимо трудно.

Скрывая смущение, генерал высвободил руку и уставился на свои сапоги.

— Поздно уже. Вытирайтесь и ложитесь.

— Станный вы человек, — фыркнул Мо Сюнь. — Когда я молчу — вы требуете ответов. Когда я готов говорить — вы убегаете. Ох, Юнье, вы капризнее самого Юй Ляня. Сдается мне, вы и впрямь два сапога пара.

Эти слова стали последней каплей. Гу Суйчжи выхватил у него полотенце и набросил ему на голову.

— Вытирайся уже! — бросил он и поспешно направился к постели.

Мо Сюнь лишь негромко рассмеялся под тканью.

— Куда же вы? В этой тесной комнате не спрятаться.

Генерал обернулся. Полотенце съехало, прикрыв правый глаз юноши. В комнате пахло горячей водой и благовониями, хмель всё еще туманил голову, и Гу Суйчжи на миг показалось, что перед ним — призрачный образ за ширмой, манящий и непостижимый. В свете догорающих свечей эта ночь казалась созданной для того, чтобы забыть обо всём мире.

Свадьба двух великих домов стала событием, о котором еще долго будут вспоминать в столице. В тот день снег утих, и редкое зимнее солнце залило улицы Сюаньду. Тысячи людей вышли посмотреть на торжественный поезд. Молодой генерал в алом наряде восседал на коне, и его статная фигура вызывала восхищение у горожан.

Вот только на его лице не было и тени радости.

Любопытные шептались, пересказывая слухи о семье Юй: один брат безумен, другой — распутен и жесток, а третий — слаб здоровьем. Генералу достался худший из них — беспутный Мо Сюнь. Весь город сочувствовал герою.

Гу Суйчжи с каменным лицом доехал до резиденции Фунань. Он вошел в дом, чувствуя на себе тысячи взглядов, и направился в покои жениха.

Мо Сюнь в этой поездке был лишен поддержки родных: Юй Хун не мог двигаться, а Юй Лянь, носивший титул маркиза Фунань, не имел права прибыть в столицу без императорского указа. Он давно знал, что Мо Сюнь и Юй Лянь — близнецы, но не понимал, как два брата могут быть столь разными. Насколько он восхищался Юй Лянем, настолько же презирал Мо Сюня. Но судьба распорядилась так, что ему пришлось сочетаться браком с братом своего идеала.

Мо Сюня еще на рассвете поднял Мицзю. Его долго наряжали, и теперь он сидел в зале, ожидая начала обряда. Юноша уже начал дремать под тяжелым покрывалом, когда услышал шаги и чьи-то голоса.

— Говорят, этот Мо Сюнь в Нинчжоу житья никому не давал. За что ему такая милость?

— Кто знает... Император велел. Видно, за брата своего спрятался. Бедный генерал...

Мо Сюнь не стал слушать дальше. Он сбросил покрывало и распахнул дверь. Слуги, не заметив его, продолжали судачить. Но стоило им увидеть его ледяной взгляд, как они тут же смолкли и поспешили скрыться.

Юноша бесшумно подошел к ним сзади и обнял обоих за плечи.

— Ну же, продолжайте. Мне очень интересно.

Бедняги замерли, увидев алый шелк рукава.

— Пожалуйста... продолжайте! — вкрадчиво повторил Мо Сюнь.

Те в ужасе рухнули на колени.

— Странно, — протянул принц. — Только что вы так радели за генерала. Теперь я здесь — скажите мне в лицо всё, что думаете. Я передам ему ваши слова.

Но слуги лишь неистово бились лбом о пол. Мо Сюню стало скучно. Он брезгливо пнул одного из них и велел убираться. Когда тот в страхе скрылся, юноша собрался пнуть второго, но резкий окрик заставил его замереть:

— Остановись!

Он обернулся и встретился взглядом с разгневанным молодым человеком. На его лице читалось неприкрытое отвращение. Мо Сюнь лишь усмехнулся. Этот юноша был слишком прямолинеен — его чувства были написаны на лбу.

Гу Суйчжи подошел ближе и сурово спросил:

— Что ты творишь?

— Они оскорбили меня. Неужели я не имею права проучить их?

Генерал осекся. Он старался не смотреть на это лицо, столь похожее на то, что он хранил в памяти.

— И... что же они сказали?

Мо Сюнь с интересом наблюдал за его замешательством. Этот Гу Суйчжи казался ему забавным.

— Сказали, что я — отпетое ничтожество, позор своего рода, и совершенно не подхожу такому герою, как вы. — Он сделал паузу и добавил: — Впрочем, они не так уж неправы.

Юноша смотрел на ошеломленного собеседника и не мог сдержать смеха. Накинув покрывало обратно на голову, он бросил:

— Идемте, генерал. Простите, что вам так не повезло.

Он шел впереди, чувствуя спиной гнев мужа, и думал о том, какой странный этот Гу Суйчжи. Слишком уж легко его вывести из равновесия.

Торжественный поезд проехал через весь город, мимо значных кварталов и шумных рынков, и наконец остановился у ворот Резиденции хоу Чжэньбэй. Мо Сюнь сидел в паланкине, слушая взрывы хлопучек, но двери никто не спешил открывать.

Его терпение лопнуло. Приподняв край покрывала, он увидел, как Гу Суйчжи стоит в нерешительности, не смея подойти.

«Неужто он совсем дурак? — подумал юноша. — Мог бы хоть вид сделать ради приличия».

Не дожидаясь мужа, он сам распахнул занавес и крепко взял его за руку. Генерал вздрогнул, но под прицелом сотен глаз вынужден был помочь мужу выйти. Мо Сюнь ничего не видел под покрывалом и, понимая, что супруг не хочет его вести, сам направил его руку, заставив сорвать алый шелк прямо на глазах у всех.

Молодой генерал замер в изумлении. Мо Сюнь же, нимало не смущаясь, повернулся к гостям и приветливо взмахнул рукой:

— Спасибо всем, что пришли! Сегодня у нас с генералом большой день!

Он стоял, гордый и ослепительный, словно это он сегодня был триумфатором. Гу Суйчжи, сгорая от стыда и гнева, вынужден был следовать за ним в зал.

Обряд прошел быстро. Когда пришло время поклона друг другу, генерал лишь слегка склонил голову, а Мо Сюнь поклонился низко и чинно. После чего весело пожелал гостям хорошего пира и, помахав мужу ручкой, удалился в свои покои.

Там было тепло и уютно. Мо Сюнь был рад теплу жаровен. Понимая, что муж вернется не скоро, он решил переодеться и немного осмотреть дом, но слуга Мицзю преградил ему путь.

— Хозяин, вот карта поместья.

Юноша кивнул, но шага не замедлил.

— Господин, на улице мороз! Вы же простудитесь!

— Это легко исправить. Дай мне свой плащ.

Он распахнул дверь и едва не столкнулся с Гу Суйчжи. Генерал замер, глядя на супруга в простом платье. По обычаю, он должен был сам проводить его в спальню. И вот, застал при попытке к бегству.

Мо Сюнь виновато улыбнулся:

— Генерал? Что вы здесь делаете?

Собеседник молчал, не зная, как вести себя с этим человеком. Он отвел взгляд на камни в саду и тихо произнес:

— Пришел проведать вас.

— Что? — Мо Сюнь подался вперед, заставляя его повторить.

— Сказал — пришел проведать!

— Проведать? Неужели за ту минуту, что мы не виделись, вы уже успели по мне соскучиться? Генерал, вы так нетерпеливы... Неужто не дождетесь ночи?

— Ты! — Гу Суйчжи задохнулся от ярости и вылетел из комнаты.

Мо Сюнь лишь рассмеялся вслед, но в душе его поселилось сомнение. «Отчего он ведет себя как обманутый в лучших чувствах дурак?»

Гу Суйчжи вернулся к гостям. Он пил чашу за чашей, не глядя, кто подносит вино. Он пил, пока луна не поднялась высоко, и наконец уснул прямо за столом. Телохранитель Ци Хун помог

ему подняться, и его повели к спальне.

Увидев теплый свет в окне, генерал на миг протрезвел. Ему стало тошно от этой комедии. Как им теперь делить ложе? Чтобы завтра вся столица смеялась над ними?

Он замер у двери, не решаясь войти. В этот миг дверь открылась сама. Мо Сюнь стоял на пороге. Гу Суйчжи посмотрел в его глаза и не смог отвести взгляда. Вся горечь этих дней вырвалась наружу. Пошатываясь, он шагнул к мужу, хотел обнять его, но не посмел — словно перед ним был хрупкий призрак. В тумане хмеля он услышал ласковый голос, почувствовал, как его влекут в комнату, и в тишине прошептал:

— А-Лянь...

Мо Сюнь замер. Теперь всё стало ясно. Он лишь горько усмехнулся про себя: «Надо же, и здесь любят Юй Ляня».

Но это не помешало ему начать свою игру. Он закрыл дверь, отсекая холодный мир, и подвел мужа к постели.

— Генерал, неужто вы так давно в меня влюблены?

Мо Сюнь лениво откинулся на подушки, не ожидая ответа. Но Гу Суйчжи заговорил. И слова его были трезвыми и злыми.

— Вы с ним одной крови, но он — благороден и добр к каждому встречному. А вы — жестокий, наглый, двуличный человек. Вы и мизинца его не стоите.

Мо Сюнь открыл глаза и молча смотрел, как муж уходит в холодную ночь. Он потушил свечи. В тишине он слышал лишь завывание ветра. За тринадцать лет его много раз проклинали, но слова этого генерала почему-то задели его сильнее всего.

Он решил: просто так он этого не оставит. Он заставит этого героя пожалеть о каждом слове. Перевернув жаровню с благовониями, он укрылся одеялом. «Дурак ты, генерал», — подумал он перед сном.

Утром его разбудил Мицзю. Мо Сюнь, злой и невыспавшийся, накричал на слугу, но тот привычно снес всё молча.

— Хозяин, пора во дворец. Генерал уже ждет.

Это заставило его окончательно проснуться. Он вышел в зал с улыбкой на лице. Гу Суйчжи стоял там, хмурый и бледный — видать, тоже не спал всю ночь. Юноше стало весело.

— Что стоим? Идемте, генерал. Или хмель еще не вышел? — ядовито спросил он.

— О себе бы позаботились, — буркнул Гу Суйчжи.

Мо Сюнь рассмеялся:

— Сами вчера лезли с нежностями, а теперь я виноват? Ну что за человек!

Он подошел вплотную и прошептал на ухо:

— Думаете, мне есть дело до вашей «чистой души»? Просто вчера на мягких подушках мне было так хорошо, что я и сам не заметил, как прошла ночь. Не пропадать же празднику.

Генерал лишь процедил сквозь зубы «бесстыдник» и вылетел из дома.

В столице еще чувствовалось праздничное настроение. Они ехали молча, пока не достигли дворца. У ворот их ждал продрогший евнух. Мо Сюнь поравнялся с мужем, и со стороны они казались идеальной парой.

В зале их встретил Император Лунъань. Он выглядел бодрым и с улыбкой позвал их к себе.

— Рад видеть вас вместе. А-Сюнь, я не видел тебя десять лет — как же ты вырос!

Император коснулся руки Мо Сюня.

— Семья Юй много вынесла. Я помню твоего отца и братьев. А-Лянь молодец, верно правит Линнанем.

Слово «А-Лянь» резануло мужа по сердцу. Государь же продолжал подшучивать над Мо Сюнем, журуя его за распутный нрав.

— Теперь ты женат, пора и за ум взяться.

— Но, государь, — рассмеялся Мо Сюнь, — вы ведь сами знаете мой характер. Если я изменюсь, генералу станет скучно. Да и я еще не нагулялся.

Император внимательно посмотрел на него:

— Выглядишь ты неважно!

— О, это всё вчерашние хлопоты, — Мо Сюнь многозначительно взглянул на супруга. — Мы так заигрались, что и не заметили, как наступило утро.

Гу Суйчжи замер от такого нахальства, а император лишь рассмеялся:

— Ну и наглец! Любой другой за такие слова лишился бы головы.

— Так ведь вы меня любите, государь, — Мо Сюнь улыбнулся. — Я это ценю.

За обедом император завел речь о войне на севере. Он мягко пожурил генерала за то, что тот убил Ужигэня, не подумав о последствиях.

— Ты еще молод, Юнье. В политике нужно быть тоньше.

Тот лишь покаянно склонил голову. Император же продолжал расспрашивать о делах в Цинчжоу, не стесняясь присутствия юноши.

— Твой брат верой и правдой служил мне десять лет. Ты хорош в бою, но в остальном тебе еще учиться и учиться. Оставайтесь пока в столице, отдохните.

Гу Суйчжи ничего не оставалось, как согласиться. Мо Сюнь же молча ел, понимая, что император просто хочет держать их под присмотром.

Выйдя из зала, генерал не выдержал:

— Как... как поживает А-Лянь?

— Прекрасно! — усмехнулся Мо Сюнь. — Без меня ему дышится намного легче. Подумали бы лучше о себе, генерал.

Тот лишь облегченно вздохнул. «Раз у А-Ляня всё хорошо, значит, и я спокоен».

У ворот они встретили молодых ученых. Один из них, Тань Шу, преградил им путь. Мо Сюнь лишь хмыкнул про себя: «Ну и чудак». Те поклонились только генералу, игнорируя его спутника.

— Похоже, вы так много читали, что ослепли, — ласково произнес Мо Сюнь.

Студенты возмутились, но юноша лишь ловко выхватил веер у их предводителя и с поклоном подал его мужу:

— Прошу, генерал.

Ученые разразились проклятиями, предрекая юноше скорую расплату. Тот лишь холодно улыбнулся, запоминая их лица. Гу Суйчжи поспешил увести его прочь, сославшись на важные дела.

Его «делами» была поездка в Храм Глубокой ивы.

В свете фонарей глаза Мо Сюня сияли нежностью. Он казался таким кротким, что муж на мгновение замер. Генерал покраснел и тихо прошептал:

— А-Лянь... можно мне обнять тебя?

— Только обнять? — прошептал Мо Сюнь ему на ухо, обдав горячим дыханием.

Сердце Гу Суйчжи забилось чаще. Он всё еще верил, что перед ним его идеал.

— Мы можем сделать больше, — вкрадчиво продолжал юноша.

Он налил вина и подал чашу мужу:

— Но сначала — чаша за наш союз.

— Не хочу больше, А-Лянь... — пробормотал Гу Суйчжи.

— Но так положено! Только тогда мы станем по-настоящему супругами.

Эти слова привели генерала в чувство. Он оттолкнул чашу, и вино пролилось на ковер. Хмель мгновенно выветрился.

...Тот, кто стоял перед ним, не был его А-Лянем.

Мо Сюнь залпом осушил свою чашу и внезапно повалил мужа на кровать.

— Неужто я тебе так противен?

Гу Суйчжи тщетно пытался высвободиться — силы покинули его.

— Мы просто две птицы в одной клетке, генерал, — усмехнулся юноша.

Тот замер, а затем резко встал и посмотрел на мужа с нескрываемой ненавистью.

— Снова гнев? Можешь считать меня им, если хочешь... Но скажи: чем же я хуже брата? Скажи, и я обещаю — я ни в чем не стану меняться.

Он смотрел на Гу Суйчжи с вызовом. В этот момент Мо Сюнь заметил, что у того по подбородку течет кровь, капая на белый ковер.

— Генерал, — негромко произнес он, — у вас кровь носом пошла.

— Вам показалось, — ответил Лин Му и отвернулся.

— Мне всё равно, жизнь больше не имеет смысла. Умру сегодня — и дело с концом.

— Не надо так, старейшина.

Лин Му прислонился к кости дракона, освещенный её призрачным светом.

— Вы мне даже нравитесь.

Жемчужина, со всей серьезностью собиравшаяся «повеситься», замерла.

— И что же во мне тебе нравится? — спросила она.

— Твой дерзкий нрав.

Лин Му взял жемчужину и положил её в рот. Холод камня и тепло плоти встретились, заставив его невольно вздрогнуть. Он прикрыл глаза, похожие на глубокие, тихие омуты.